

Функциональные особенности филантропии¹

Специфицирующее описание функциональных характеристик филантропии целесообразно в ее сопоставлении с родственными ей феноменами. Филантропия в данном случае рассматривается как социальный инструмент перераспределения социальных благ. Так что родственными филантропии – хотя и разнородными между собой – выступают, с одной стороны, практическое милосердие, или милостыня, а, с другой – государственная помощь.

Функционирование благотворительных институтов может иметь результаты, непосредственно не связанные с задачами перераспределения. Здесь, как и во многих других сферах общественной, в частности, нравственной жизни, мы имеем дело с тем, что М. Уолцер назвал, воспользовавшись давней традицией католической казуистики, «принципом двойного эффекта» («double effect principle»)². В обобщенной форме (имея в виду задачи данной статьи) этот принцип можно было бы выразить так: в более или менее сложных социальных обстоятельствах любое действие, предпринимаемое с определенными целями, может приводить также и к unplanned результатам³ или, другими словами, определенные, в данном случае, целеориентированные, действия или начинания могут вести к результатам, в том числе положительным, которые не проектируются при планировании данного действия или инициировании данного начинания. Косвенными и несущественными для собственных задач филантропии (хотя существенными для общества в целом) являются такие результаты филантропической деятельности, как сдерживание государственного монополизма, де бюрократизация распределения социальных благ, поддержка игнорируемых или притесняемых государством групп населения, компенсация дисфункций государства и т. д. Однако, ориентируясь на эти косвенные (и лишь возможные, но не непременно) результаты филантропической деятельности, трудно понять природу филантропии как таковой. Дело не только в методологической некорректности такого подхода к филантропии. Ориентируя филантропию на такие результаты, можно обресть конкретные филантропические программы на неудачу (из-за очевидного несоответствия целей и средств); такое восприятие филантропии ведет к ее политизации и идео-

логизации. В истории известны различные попытки политического коммерческого или просто корыстного использования филантропических проектов и программ; и это послужило поводом к радикальной критике филантропии⁵. В практическом плане такой подход к филантропии является *политически некорректным*.

Итак, благодаря филантропии происходит перераспределение социальных благ, в первую очередь таких, как материальные ресурсы, главным образом *финансовые*. Наиболее рациональной формой филантропической помощи является предоставление грантов (в виде проектных субсидий, стипендий или премий). Однако в чрезвычайных обстоятельствах материальная помощь может выражаться в непосредственном обеспечении жизнедеятельности людей путем предоставления еды, продуктов питания, средств выживания и жизнеобеспечения и т. д. В особых обстоятельствах материальная помощь выражается в обеспечении технических и организационных условий для осуществления какой-либо деятельности⁶. Но филантропическая помощь может выражаться и в другом – например, в безвозмездной, или добровольной, или «волонтерской» (как это стало принято говорить и по-русски) деятельности. Добровольная работа в благотворительных кампаниях может быть самой различной по своим функциям: всегда требуются организаторы (sponsors), зазывалы (boosters), добыватели денег («фондрайзеры»), наставники (coaches) и ведущие (leaders) и т. д.; потребности в координации добровольной деятельности привели к появлению в США в семидесятые годы специальных агентств – это тоже филантропические организации, но они перераспределяют не денежные, а человеческие ресурсы.

Филантропия все более и более оформляется в виде организованной деятельности. Эта деятельность организована на институциональной и проектно-программной основе. Этим филантропия отличается от *милостыни*: филантропия – это социальная, социально-ориентированная деятельность; это такая социальная деятельность, которая в конечном счете направлена на благо общества. Практическое милосердие, или милостыня, имеет в виду благо индивида. При этом филантропия непосредственно родственна милостыне в той мере, в какой благо общества обеспечивается предоставлением прямой помощи частным (индивидуальным и коллективным) субъектам сообщества⁸. Особый вопрос, могут ли быть адресатом филантропической поддержки государственные институты? Институты в широком (социологическом) смысле – нет. Но отдельные, востребованные обществом, но не финансируемые государством виды и формы деятельности, которые обеспечиваются государственными учреждениями, могут быть объектом частной филантропической помощи.

Здесь можно привести два примера, в известном смысле представляющих динамику крупномасштабной филантропической помощи в отдельной социальной сфере. Речь идет о программах среднего образования Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). В 1995–1996 и 1996–1998 годах ИОО провел в ряде регионов России серию семинаров по переподготовке учителей английского языка и учителей-гуманитариев. В организационном плане эти семинары проводились на базе традиционных институтов повышения квалификации учителей или в ассо-

циации с ними, но, практически полностью новационные как по форме, так и по содержанию, они были автономны по отношению к этим государственным учреждениям. Предметом финансового, организационного и интеллектуального (экспертного) спонсирования в этом проекте стала деятельность, являющаяся прерогативой государственного учреждения, – региональные институты повышения квалификации выступали партнерами ИОО. В разных случаях небольшая техническая помощь (в виде офисного оборудования) доставалась либо институтам повышения квалификации, либо региональным управлениям образования, определенный доход получали организации, на базе которых проводились семинары. Однако главной целевой группой этих программ были учителя, сначала как частные лица, а со временем – относительно организованные в школьные команды.

Совсем другого типа программу представляет стартовавший в 2000 году амбициозный мегапроект ИОО «Развитие образования в России», в рамках которого подпрограмма среднего образования сориентирована на повышение качества регионального управления образованием посредством реформирования системы подготовки и переподготовки работников управления образованием. В этом проекте объектом филантропической помощи являются государственные учреждения как таковые, а именно региональные институты повышения квалификации учителей или, как они чаще теперь называются, центры развития образования. Но одним из условий предоставления помощи стало их согласие на изменение принципов и характера своей деятельности. Формально помощь предоставляется государственному учреждению, но по сути благотворительная программа направлена на стимулирование изменений в обществе в целом на основе повышения качества функционирования одной из подсистем общества – среднего образования – посредством принятия соответствующими государственными учреждениями на себя новых функций и новых социальных обязательств. Принимая во внимание значимость социальных последствий такой программы, не говоря о ее бюджете, следует сказать, что столь значительный масштаб филантропии делает ее фактором социальной политики, причем социальной политики, проводимой частным социальным агентом. Это серьезно проблематизирует саму филантропию, и к этому вопросу ниже мы вернемся.

Филантропия родственна милостыне и в том, что предметом перераспределения, как правило, являются *частные ресурсы*. Средством филантропической помощи могут быть и специально выделенные государственные или общественные ресурсы, однако распределяются эти средства на основе отдельных решений по конкретным случаям. Государственные или общественные ресурсы, направленные на благотворительность, являются таковыми лишь по источнику, но не по характеру распределения.

Если сравнить филантропию с государственной социальной помощью, то так же, как и в отношении милостыни, филантропия, с одной стороны, отличается от государственной помощи, а с другой – родственна ей. Как видно из вышесказанного, филантропию может роднить с государственными программами помощи социальный масштаб предпринимаемых программ. По существу филантропию роднит с государственными со-

циальными программами именно сама миссия помощи. Если мы зададимся вопросом, можно ли провести различие между государственной и филантропической помощью по таким критериям, как получатель помощи, объем выделяемых средств, характер предоставления помощи и т. п., – различий, скорее всего, мы не найдем. Разница между государственной помощью и филантропической помощью носит этический характер: филантропия добровольна – государственная помощь обязательна (в рамках имеющихся у государства средств). Государственная помощь – это одно из воплощений социальной справедливости, филантропия – это одно из социальных воплощений милосердия. Ведь никому не придет в голову рассматривать поддержку, получаемую рабочим от созданных при профкоме «касс взаимопомощи», как благотворительность: деньги, получаемые из кассы взаимопомощи – это либо результат предшествующих накоплений, либо кредит, выдаваемый сообществом. Так и государство, предоставляя экстренную помощь в чрезвычайных ситуациях, всего лишь выполняет свой долг перед гражданами, как, в частности, налогоплательщиками. Государство выступает в этом смысле агентом общества. Государственная помощь, в особенности оказываемая в рамках социальных программ, – это элемент социальной взаимопомощи¹⁰ (следует оговорить, что особого рассмотрения требует государственная помощь, оказываемая в рамках международной гуманитарной помощи).

Поскольку неотложная помощь в экстренных случаях и чрезвычайных ситуациях, а также систематическая помощь остро нуждающимся должна быть обязательной, постольку наиболее эффективно ее может оказывать именно государство. Ведь к филантропическим институтам невозможно предъявить требование о помощи: филантропия добровольна. Филантропический институт фактически подотчетен лишь своему руководящему органу. Последний определяет, на что направлять существующие фонды. Есть фонды, где распределение средств определяется самим жертвователем. И потому филантропия может быть своевольной. Чрезвычайная помощь или систематическая помощь остро нуждающимся должны быть непременно, т. е. не зависящими от чьей-то доброй воли. Филантропия же, помогая в насущно необходимом, может также поддерживать людей и организации просто в желаемом. В этом плане филантропия представляет собой дополнительный фактор автономии и свободы людей – как индивидуальных лиц, так и организованных в сообщество; государственная же помощь, предоставляемая даже в самом что ни на есть демократическом порядке, делает людей зависимыми. Филантропия – матерналистична¹¹, государственная социальная помощь – патерналистична.

Проблема соотношения частной благотворительности и государственной социальной помощи была осознана довольно давно, когда частная филантропия не получила полномасштабного, на уровне общества в целом, институционального развития. Одним из мыслителей, который уделил ей особое внимание, был Дж. С. Милль. Основное различие между частной филантропией и государственной помощью Милль видел в том, что государственная помощь сориентирована на интересы государства, подчас конъюнктурные, а интересы конкретных людей при этом нередко не принимаются во внимание¹². Как это ни парадоксально, но в этом со-

стоит достоинство государственной помощи: она может быть безличной (и от того восприниматься как бездушная), но она – не переменна. Она должна быть неперменной, поэтому обеспечение неимущих, настаивал Милль, должно зависеть от закона, а не от частной благотворительности, т. е., как выше было сказано, не от случайности доброй воли. И хотя, в отличие от известной Миллю благотворительности, современная благотворительность масштабна и при определенных условиях бывает способна на всеохватность, она не претендует на нее.

Государство, по Миллю, несет особые обязательства по отношению к неимущим; оно должно им помогать хотя бы в пределах тех сумм, которые выделяются на содержание преступников в тюрьмах: если государство может тратить средства на виновных, почему оно не может позволить содержать неимущих? В противном случае содержание преступников в тюрьмах может восприниматься как своего рода вознаграждение за преступления¹³.

Другое дело, что помощь неимущим, как и всякая другая, должна быть рациональной. Миллю принадлежит важная формулировка, которую можно было бы считать *прагматическим правилом* благотворительности: «Если помощь предоставляется таким образом, что положение лица, получающего ее, оказывается не хуже положения человека, обходившегося без таковой, и если к тому же на эту помощь могли заранее рассчитывать, то она вредна; но если, будучи доступной для каждого, эта помощь побуждает человека по возможности обходиться без нее, то она в большинстве случаев полезна»¹⁴. Этой формулой Милль установил основное регулирующее ограничение филантропии.

Итак, государство осуществляет помощь, обеспечивая удовлетворение насущной нужды; к этому следует добавить и то, что размер определяется действительными материальными возможностями государства и его практической социальной ориентированностью. То же, что сверх неперменного, может быть уступлено частной филантропии; она, в отличие от государственной помощи, может позволить себе делать различие между отдельными случаями действительной потребности, чтобы кому-то помогать, а кому-то – нет. Помощь, идущая от частной филантропии, избирательна. Здесь важно проконтролировать, чтобы распределители помощи не брали на себя функции инквизиторов и руководствовались рациональными мотивами, а не личными предпочтениями.

Сколько ни проницателен был Милль, формулируя «прагматическое правило» помощи, он не рассмотрел существенной практической разницы между государственной помощью и частной филантропией. Главное здесь в том, что, как показывает разнообразный опыт, именно на nive государственной помощи, независимо от характера государственной системы, имеют место самые крупные злоупотребления, и чем «государственнее» государство, т. е. чем меньше оно контролируется обществом, тем больший масштаб приобретают злоупотребления. Злоупотребления встречаются и в деятельности частных благотворительных фондов; однако обычно более строгий контроль со стороны попечительских советов фондов, а также фискальных служб государства эффективно блокирует такие нарушения. К тому же частные филантропические фонды не зависят от государственного бюджета. Они более маневренны и оперативны в оказании

помощи, в особенности программной и, как уже говорилось, менее подвержены конъюнктуре.

В проблеме соотношения частной филантропии и государственной помощи есть и еще один важный политический аспект. Некоторые фонды – в России это главным образом международные фонды – располагают и распоряжаются огромными финансовыми ресурсами. Эти ресурсы подчас сопоставимы с некоторыми статьями государственного бюджета. Филантропические институты в самом деле могут выступать не только балансом, но и соперником государства. Это обстоятельство, конечно, неоднозначно. Масштабы и возможные социальные последствия некоторых агентов филантропической деятельности вызывают оправданный вопрос о реальном политическом весе в обществе филантропических организаций как институтов гражданского общества. Этот вопрос касается даже не контроля, а власти: кому при таких значительных масштабах деятельности фондов принадлежит приоритет и, стало быть, власть – негосударственным фондам или обществу, или государству? Одновременно встает вопрос и о возможной подотчетности негосударственных фондов обществу. Этот вопрос актуален не только в бедных обществах, в которых действуют (напрямую или через свои филиалы) крупные международные фонды, подчас способные конкурировать с государством в реализации отдельных направлений социальной, научно-образовательной или культурной политики. И в такой богатейшей стране, как США, эта проблема, как показывают материалы прессы, стоит не менее остро.

Точная квалификация филантропии как вида социально значимой деятельности имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, имея в виду возможные экспансии в этот сектор социальной активности со стороны политики или коммерции. Самый простой аспект этой проблемы – юридический, особенно актуальный в обществах, где благотворительная деятельность и благотворительные взносы освобождаются от налогов. В связи с этим уже недостаточно сказать, что филантропия – это деятельность, направленная на общее благо. Здесь необходимы уточнения, в частности, такие, что это – деятельность, цели которой выходят за рамки интересов семьи и непосредственных друзей, которая не предпринимается с целью получения прибыли или по административному распоряжению¹⁵. Очевидно, что это – неоплачиваемая деятельность. Очевидно, что сюда относятся деятельность групп взаимопомощи и разного рода гражданских инициатив, деятельность в рамках профессионального и культурного развития, природо- и культурно-охранных акций и кампаний. Но правомерно ли относить сюда и деятельность активистов политических кампаний, как это сделано в Налоговом кодексе США, и не принимать во внимание различия между кампаниями, проводимыми группами гражданской инициативы по реализации некоторых политических целей, и кампаниями, проводимыми политическими партиями, которые с определенной периодичностью участвуют в выборах, и любые их акции могут трактоваться как предвыборные? И наоборот, правомерно ли не считать филантропической любую деятельность, приносящую экономическую прибыль, – даже в тех случаях, когда квалифицированно можно

установить, что получаемая прибыль используется для развития самой филантропической деятельности и на филантропические цели. Наконец, филантропической является и деятельность, в которой реализуются, помимо общественных, и личные интересы, в частности такая, которая предпринимается исключительно из личных интересов, но посредством которой достигаются и общественно значимые результаты.

Индифферентный для законодателя, но значимый в социально-коммунальном и этносном планах момент заключается в том, что филантропия (в странах с давними ее традициями) является знаком социального статуса. В среде богатых денежные пожертвования как правило сочетаются с членством в филантропических организациях. Но это членство в то же время нередко зависит не от размера внесенной на благотворительность суммы, а от фамилии (в этимологическом смысле это слова – «семьи») благотворителя. Для современной аристократии филантропия, несомненно, – знак социального статуса; она становится элементом образа жизни, средством обозначения места филантропа в обществе и поддержания чувства идентичности. Элита заботится о своей исключительности и препятствует даже таким формам ее размывания, как вхождение в советы попечителей филантропических организаций людей со стороны, пусть и богатых из высшего класса (но не элиты). Однако особенность филантропии элиты заключается в том, что поддерживаемые ею филантропические организации, как правило, выделяют средства не индивидам, а общественным организациям – на определенные программы. Филантропические организации по-своему зависят от организаций-реципиентов. Поэтому филантропия элиты оказывается обусловленной не только целями и приоритетами элиты, но и потребностями и эволюцией тех общественных организаций, которые она поддерживает. Финансовые интересы организаций-реципиентов воздействуют на мышление и поведение элиты, представители которой выступают их донорами и попечителями. В этом пространстве также складывается драматическое единство частных и общих интересов. Элита реализует свой частный (корпоративно-статусный) интерес, содействуя некоторым общим интересам. Опросы, проведенные среди представителей элиты, традиционно участвующих в филантропической деятельности, показывают, что филантропия может осуществляться в отсутствие доброжелательности или желания помочь, но и мотивом филантропических решений для многих из них является не помощь как таковая, а поддержание собственного престижа через сопричастность организации, которая оказывает помощь¹⁶.

Принимая во внимание сказанное выше о филантропии, следует отметить, что, хотя филантропия и представляет собой добровольную деятельность, в той мере, в какой эта деятельность оказывается существенным фактором функционирования сообщества, сообщество не может быть безразличным к тому, как эта деятельность осуществляется. Другой вопрос, в лице кого и каким образом сообщество вправе задавать вопросы филантропическим институтам, не говоря уже о коммунитар-

ном воздействии на них. Значительный опыт крупных филантропических организаций свидетельствует о том, что самим фактом постановки общих целей содействия благу (со) общества филантропия оказывается ответственной перед обществом. Общество посредством своих различных (и не обязательно всех) сообществ выступает в роли заинтересованной стороны или, говоря на языке экономики, своеобразным стейкхолдером (stakeholder)¹⁷, и эффективность филантропии оказывается зависимой от того, в какой мере в филантропических проектах учитываются интересы, ожидания, предрассудки такой заинтересованной стороны, как (со) общество.

Как бы филантропичны ни были филантропы, общество заинтересовано в определенных ограничениях их деятельности, которые гарантировали бы его – т. е. общества – независимость от частных филантропов. Эти ограничения могут задаваться законодательной базой организованной филантропии. Филантропический фонд – это некоммерческая организация, самоуправляющаяся через попечителей или директоров. Фонд обладает безвозмездно предоставленным капиталом, распределяемым в виде грантов (субсидий/стипендий) или призов, призванных содействовать образовательной, воспитательной, культурной, религиозной и др. деятельности, направленной на общее благо¹⁸; сюда же следует отнести поддержку информационной или коммунитарной активности. При этом фонды могут быть частными, общественными или государственными. По критериям, принятым в США, частным является фонд, основанный одним физическим лицом (жертвователем), семьей или компанией. Если же капитал фонда создается несколькими донорами (жертвователями), то это – общественная благотворительная организация (public charity). Таковы, например, разного рода местные фонды (community foundations)¹⁹. Государственным является фонд, основанный государством. Это – формальные юридические характеристики; управление и принципы организации фондов в общем схожи.

Неверно было бы думать, что государственный филантропический фонд более строго организован, программно оформлен или даже бюрократичен, чем общественный фонд. Если взять современный российский опыт и сравнить государственные фонды, такие, как Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский государственный гуманитарный фонд (РГНФ), с международными общественными фондами, такими как фонд Сороса или фонд Маккартуров, то последние гораздо более строго следят за соблюдением принятых приоритетов и осуществлением программных целей. Что касается названных российских государственных фондов, то здесь, насколько можно судить, вообще трудно говорить о каких-либо приоритетах.

Необходимость ограничений коммерческой деятельности фондов не вызывает сомнений. Но так же очевидна необходимость ограничений политической деятельности фондов. Разумеется, в той мере, в какой филантропия в целом рассматривается как деятельность, направленная в конечном счете на содействие благу общества, трудно в полной мере избежать того, чтобы филантропические организации руководствовались в своей деятельности теми или иными политиче-

скими и, стало быть, идеологическими предпочтениями. Здесь насущны ограничения на то, чтобы филантропические организации ставили перед собой непосредственные политические цели: они не должны быть ни «машинами пропаганды», ни стимуляторами негативной по отношению к общественному порядку деятельности, будь то прямые действия граждан и гражданских организаций или лоббирование в законодательных органах новых законов, не говоря, конечно, о поддержке политических партий и движений. В этом – существенное отличие фонда как филантропической организации от фонда как исследовательского или ресурсного центра.

Ограничения такого рода должны носить не только запретительный, но и стимулирующий характер. Частные фонды могут играть в обществе особую роль. Нереалистично ожидать, что с их помощью будут решены все социальные проблемы, до которых у государства не доходят руки (из-за нехватки финансовых ресурсов, нерасторопности госструктур или чиновников, маргинальности самих проблем). Но непременно следует ожидать, что фонды со всей полнотой и эффективно смогут реализовать то особое положение, которым они обладают в обществе. У фондов нет чудодейственных рецептов, но они имеют неповторимую для общественного института возможность быть независимыми от рыночных механизмов или давления избирателей, благодаря чему они могут в решении сложных общественных проблем строить долгосрочные стратегии и аккумулировать значительные интеллектуальные и профессиональные ресурсы для их компетентного и неконъюнктурного практического воплощения.

Филантропия должна быть открыта обществу, причем, во многих отношениях. Учитывая этические аспекты оказания и получения помощи, их активность может и не быть совершенно публичной, хотя многие филантропические фонды специально оговаривают, что списки победителей конкурсов и краткие отчеты по проектам могут быть опубликованы в специальных изданиях. Однако их деятельность должна быть безусловно прозрачной для уполномоченных представителей сообщества и фискальных органов государства. Другое дело, что необходимо обсуждение того, что в деятельности филантропических фондов или отдельных благотворителей подлежит общественному и государственному контролю, и каковы могут быть рациональные критерии для оценки филантропической деятельности.

В связи с этим представляет значительный интерес западный, в особенности, северо-американский опыт филантропии. Ее роль в истории западных обществ XX века трудно переоценить. Именно активная деятельность филантропических фондов привела к снижению радикализма в политической борьбе, находившейся в зените в XIX в.²⁰ С самого начала фонды Рокфеллера, Карнеги, затем Форда стремились к научной обоснованности своей деятельности; они намеренно приглашали профессионалов – для наиболее эффективной организации филантропической деятельности, почти по стандартам рационально и эффективно организованного производства. В ходе развития благотворительных фондов фактически произошла организационная революция, благодаря

которой постепенно сформировалось новое пространство общественной практики, где в основе принятия решений и оценки их исполнения лежит экспертиза профессионалов, а не тех, кто осуществляет общее управление или исполняет решения²¹.

Во второй половине прошлого столетия в деятельности американских филантропических организаций произошли значительные перемены, обусловленные переворотом во взглядах на филантропию. Ее предназначение связывается с усовершенствованием общества и содействием общему благу. Смысл филантропии усматривается в распределении не просто потребительских благ, а средств, с помощью которых люди сами могут достичь (приобрести) потребительские блага. Такое понимание общественной миссии филантропии предполагало ее перестройку как общественно значимой и целенаправленной деятельности на принципах научности, технологичности, планирования и контролирования результатов. Исходя из новейших результатов развития конкретных социальных наук, организаторы филантропии (а это были, главным образом, крупные частные фонды) попытались применить в этой сфере принципы социальной инженерии, предполагавшие формулировку проблем в терминах объективно фиксируемых критериев, определение поддающихся контролю целей и тщательный выбор средств, обеспечивающих достижение конструктивных практических результатов. При этом определенно предполагалось, что технологизация филантропии не подменяет милосердия: филантропия принципиально нереволюционна, и она не должна разрушать существующий порядок ради нового порядка – жизнь меняется силами самих людей, а не активистов-филантропов; филантропы лишь инициируют эти изменения.

Благодаря своей многопрофильности, фонды в Америке первой трети двадцатого столетия стали выполнять по отношению к образованию, науке, культуре те функции, которые в Европе традиционно выполняло государство. Более того, в политическом плане широкое развитие филантропических фондов в Америке можно рассматривать как демократическую реакцию на закрытость для общества государства, в котором ключевые роли принадлежали судам и партиям. Основание фондов открывало новый путь – в обход государства – к власти: к власти как способности воздействовать на социальные процессы, влиять на общественное мнение, определять движение социальных благ.

Конечно, развитие фондов в США (а история американских негосударственных филантропических фондов представляет в этом отношении наилучший пример) было обусловлено не столько политическими и не только филантропическими, сколько экономическими мотивами. Только на первый взгляд это развитие может показаться спонтанным. Так, особый рост количества негосударственных фондов в США – более, чем в два раза – наблюдается после Второй мировой войны и до середины 50-х годов, что объясняется общим экономическим ростом и налоговыми привилегиями. Однако Г. Форд и его сын Идел, основывая свой фонд в 1936 г., прямо исходили из того, что филантропические вложения освобождали от налогов и позволяли сохранять контроль над семейным капиталом²². Спустя тридцать лет новым налоговым законодательством США предполагалось, что доноры филантропических средств

освобождаются от налогов на суммы пожертвования плюс 60 % от этих сумм. Через двадцать лет, в 1987 г., новыми изменениями налогового законодательства привилегии филантропам стали еще меньше: освобождения касались только сумм пожертвований. И тем не менее, этот фактор является существенным для государственного стимулирования филантропии²³. И, наоборот, снижение экономической активности вызывало общественные дискуссии вокруг филантропических фондов. Традиционно наибольшим нападкам частная филантропия подвергается со стороны левых критиков, требующих по крайней мере снять налоговые привилегии на суммы, пожертвованные на филантропические цели.

Особенное развитие дискуссии относительно социальной значимости частной филантропии получили на рубеже семидесятых годов. К этому времени в полной мере проявились как положительные, так и отрицательные тенденции социально и социально-политически ориентированной филантропии. Начиная с Карнеги и Форда, филантропические фонды использовали свою огромную мощь для развития здравоохранения, образования, искусства. Широкие гражданские движения за равные политические и социальные права в Америке второй половины 50-х – 60-х годов привели к тому, что в деятельности крупнейших фондов – Форда, Рокфеллера, Карнеги, – приоритеты политики которых стали определять леволиберальные интеллектуалы, возобладали идеи коренного реформирования общества, основанного на благополучии как одном из обязательных прав человека. Наряду с этим в США (как затем и в других странах Запада) были развернуты программы государственной социальной помощи.

В результате в индустриально развитых странах Запада выросло несколько поколений людей, привыкших к зависимости и не желающих социальной самостоятельности. Фонды всячески стремились к расширению размеров материальной компенсации неимущим, в этом проводимая ими линия немногим отличалась от социальной политики государства, провозгласившего курс на создание «общества всеобщего благоденствия». Одновременно проводимые этими фондами просветительские и образовательные программы для этнокультурных меньшинств, внешне вполне прогрессивные, реально способствовали размыванию традиционных для этих меньшинств ценностей и обострению свойственных им социально-экономических и социально-психологических проблем. В какой-то момент фонды – эти могущественные институты гражданского общества – оказались в роли политических титанов, способных изнутри расшатать американскую систему.

Осознание пагубности такой фондовой политики заставило по-новому взглянуть на роль филантропических фондов в обществе – с точки зрения не доноров и не реципиентов филантропической помощи, а именно общества.

Переосмысление роли филантропии в жизни общества подготовило интеллектуальную почву для смены принципиальных и прагматических приоритетов филантропии, для изменения взгляда на нее как элемент и фактор общественной жизни. В отличие от старой филантропии, несшей в себе дух патернализма, новая филантропия должна стать деятельностью, имеющей в виду планомерное развитие общества и широкомасштабное улучшение жизни людей.

Примечателен в этом плане ранний (относящийся к 1920-м годам) опыт известного промышленника и впоследствии одного из крупнейших в XX столетии филантропов Г. Форда. В духе своего времени он исходил из принципа, что действительная помощь нуждающимся заключается в том, чтобы предоставить им самим возможность зарабатывать себе на жизнь. Форд скептически относился к благотворительности: «Подавать легко; гораздо труднее сделать подачку излишней»²⁴. Он не отрицал филантропию, но он решительно выступал против расточительности, с которой *традиционная* филантропия нередко оказывалась связанной: расточительно, оказывая организованную помощь, занимать физически и психически здоровыми работниками рабочие места, на которых допустимо использование частичного и неквалифицированного труда. Примером частного решения проблем в Детройте, где находились заводы Форда, была организация на коммерческой основе бесплатной специальной профессиональной школы для детей рабочих и рабочей молодежи. Форд практически взялся реализовать совет, предложенный Конфуцием – учить ловить рыбу, а не раздавать ее.

Проблема не так проста. Как быть с организацией работ, например, в условиях экономического спада и роста безработицы? Стоит ли в таких условиях вкладывать благотворительно собранные деньги в обучение и создание рабочих мест, когда денег, как всегда, очень мало (скажем, хватает только на организацию краткого курса обучения, но не на предоставление работы по профессии) и надо выбирать между оказанием конкретной помощи конкретному нуждающемуся человеку и созданием условий для того, чтобы нуждающийся сегодня не нуждался завтра? Понятно, что первое требует несоизмеримо меньших материальных и организационных средств, чем второе. Но понятно и другое: при определении филантропических задач и предварительной оценки ожидаемого эффекта принцип полезности сплошь и рядом может приходиться в противоречие с принципом справедливости²⁵.

Однако поворот в деле филантропии не следует трактовать односторонне: отказаться от раздачи не обеспеченных трудом благ и организовать обучение и переквалификацию нуждающегося населения. Сама проблема организованного оказания помощи неоднородна по своим задачам. Вопрос не стоит таким образом, что надо перестать раздавать продукты и деньги и начать раздавать знания и умения. Люди нуждаются в разном и в разной степени. Стало быть, формы помощи должны быть различными как в плане объекта (кому помогают) и предмета (чем помогают) помощи, так и в плане социальных функций самой помощи (какие задачи решаются филантропией). Но помощь должна быть не расхолаживающей, а ободряющей, стимулирующей, и в этом смысле конструктивной – социально конструктивной.

Уже упомянутый выше рост филантропических фондов в США после Второй мировой войны дал толчок специальным исследованиям в области филантропии и постепенной выработке четких, доводимых до уровня стандарта, критериев осуществления филантропической деятельности и ее оценки. Понятно, что с увеличением масштаба благотворительной деятельности важность прагматических критериев особенно возрастает.

Кризис филантропических идей в США на рубеже семидесятых годов усилил интерес к проблемам филантропии, в частности, ее назначения в обществе. В ответ на этот общественный интерес появились новые исследования, фундаментальные и прикладные, благодаря которым по сути дела были выработаны социальные критерии рациональности, легитимности и корректности организованной филантропической деятельности²⁶. Так, филантропические организации должны руководствоваться законом, не братья за задачи, не отвечающие филантропическим целям, избегать слишком тесных и тем более непрозрачных связей с конкретными субъектами бизнеса, сводить к минимуму административно-операциональные расходы, быть полностью подотчетным государству и открытыми для общественности. Это – вполне здравые требования. Во многом они аналогичны критериям, по которым оценивается любая негосударственная и некоммерческая организация.

Но они внешни по отношению собственно к содержанию филантропической деятельности. Более детальные требования специфицированы в отношении основных целей и содержания филантропической деятельности как таковой. В этом плане особенно важна эффективность функционирования фонда как социального института. Но критерий эффективности относится к фонду не только как социальному институту, но именно как филантропическому фонду. Стало быть, точнее говорить об эффективности именно филантропических программ, и тогда речь должна идти о том, в какой степени эти программы действительно способствуют увеличению общего блага. С этой точки зрения эффективность филантропической программы определяется не только успешностью субсидированных в порядке ее осуществления проектов, но и более широкими критериями – не сводимыми к конкретному профессиональному или профильному содержанию.

И это – вопрос, который требует более предметного и специального обсуждения. Критерий общего блага, существенный при оценке филантропии, является универсальным лишь на уровне принципиального предварительного условия. Его же конкретные приложения, не непременно универсализуемые, требуют соответствующей социальной локализации, возможно, в процессе всестороннего ситуационного анализа в каждом конкретном случае.

¹ В данной статье использованы материалы и воспроизводятся некоторые описания из моей статьи «Филантропия: милостыня или социальная инженерия» (Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 51–60) и главы «Благотворительность» (Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М.: Гардарики, 1998. С. 411–424); однако многие положения и выводы в процессе переработки тех текстов были развиты, а то и существенно изменены.

² Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. [Б. м.]: Basic Books. 1977. P. 152–154.

³ М. Уолцер обращается к этому принципу, анализируя природу войн. В контексте теории справедливой войны он говорит о нежелательных и недопустимых результатах, имея в виду негативные последствия определен-

ных действий, а именно – возможную гибель некомбатантов при атаке, направленной на комбатантов.

⁴ Грибанова Г. А. Государственная социальная политика и благотворительность – подходы и тенденции // См. настоящее издание.

⁵ Различные направления критики филантропии рассматриваются мною в статье «Дилеммы благотворительности» // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 56–67.

⁶ Это выражается, например, в том, что агент филантропии (индивидуальный спонсор или филантропический институт) берет на себя хлопоты по приобретению оборудования или предоставлению транспорта.

⁷ *Wythnow R. Rediscovering Community: the Cultural Potential of Caring Behavior and Voluntary Service. Indianapolis: The Indiana University Center of Philanthropy, 1992. P. 44.*

⁸ Под «частными» здесь имеются в виду отдельные, партикулярные, в отличие от общих – общественных, универсальных (субъекты, это не «частные», в отличие от юридических, лица). Поскольку данное рассуждение является социально-теоретическим, а не гносеологическим, то правильнее было бы говорить не о субъектах, а об агентах, но наличный опыт русской социально-теоретической речи еще не позволяет употреблять слово «агент» в этом, особенном пока, смысле субъекта социальной активности.

⁹ Если они еще сохранились. В пореформенной России, насколько это можно судить по сообщениям печати, народные «кассы взаимопомощи» в их традиционном виде пришли в противоречие с новым законодательством; новые правила требуют выполнения массы бюрократических и фискальных формальностей, делающих организацию касс взаимопомощи фактически неосуществимым делом.

¹⁰ В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой любая филантропия строится на основе взаимопомощи. См., например: *Moody M. P. Pass It On: Serial Reciprocity as a Principle of Philanthropy. Indianapolis: Indiana University Center on Philanthropy, 1994 (Essays on Philanthropy, № 13)*. С этим можно согласиться, лишь разделив определенные более общие философские установки, например, социобиологические. Реципрокальная концепция филантропии по сути дела не принимает в расчет то, что существеннейшими факторами филантропии являются именно добрая воля и индивидуальное моральное решение. В этом плане филантропия является не только социальной или коммунальной деятельностью (хотя она выражается именно в этих формах), но моральной по характеру мотивации деятельностью.

¹¹ О материализме см.: *Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston Beacon Press, 1989*; а также мою статью: «Изначальные детерминанты нравственного опыта» // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 32–43.

¹² *Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. III. М.: Прогресс, 1981. С. 371.*

¹³ *Милль Дж. С. Указ. соч. С. 374.*

¹⁴ *Милль Дж. С. Указ. соч. С. 373.*

¹⁵ Эти спецификации предложены Д. Ф. Берлингемом. См.: *Burlingame D. F. Altruism and Philanthropy: Definitional Issues. Indianapolis: Indiana University Center on Philanthropy, 1993. P. 8. (Essays on Philanthropy, № 10).*

¹⁶ См.: *Ostrower F. Why the Wealthy Give: The Culture of Elite Philanthropy. U. P., 1995. P. 8.*

¹⁷ См.: *Freeman R. E. A Stakeholder Theory of the Modern Corporation // Ethical Theory and Business. Prentice Hall, 1994. P. 66–76.*

¹⁸ *Nason J. W. Foundation Trusteeship: Service in the Public Interest. New York: The Foundation Center, 1989. P. 2.*

- ¹⁹ *Andrews F. E. Philanthropic Foundations. New York: Russel Sage Foundation, 1956. P. 11.*
- ²⁰ *Wheatley S. C. The Politics of Philanthropy: Abraham Flexner and Medical Education. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. P. X.*
- ²¹ *Wheatley S. C. Op. cit. P. 13.*
- ²² *Mac Donald H. The Billions of Dollars That Made Things Worse // City Journal, Autumn, 1996, Vol. 6. № 4. P. 29.*
- ²³ *Nason J. W. Op. cit.*
- ²⁴ *Форд Г. Моя жизнь и мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 164.*
- ²⁵ *По вопросу о соотношении и расхождении этих двух принципов см.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 270.*
- ²⁶ *См.: Andrews F. E. Philanthropic Giving. NY: Russell Sage Foundation, 1950. P. 166; Nielsen W. A. The Golden Donors: A New Anatomy of the Great Foundations. NY: Truman Tallers Books: E. P. Dutton, 1985. P. 427-430.*